

За рубежом. — 1993. — 5-11 февр. (№ 5). — с. 22-23.

1993 год объявлен

НАСТУПИЛ конец зимнего сезона — последний день Масленицы 12 февраля 1911 года. Марининский театр давал свой заключительный спектакль — «Жизнь за царя» с Шаляпиным в роли Сусанина.

Мое заявление об уходе из труппы было принято (Бронислава Нижинская подала его в знак солидарности со своим братом Вацлавом, уволенным из Марининского театра после того, как он самовольно надел в «Жизнели» новый костюм по эскизу А. Бенуа. — Ред.), и я уже чувствовала себя здесь чужой. Скоро у меня не будет больше права проходить за кулисы и слушать оттуда оперы...

Грустные мысли одолевали меня. Через неделю я уеду в Монте-Карло и навсегда расстанусь с этими стенами, знакомыми с самого детства.

Я внимала пению Шаляпина, и он развеивал мою грусть. Там, в Монте-Карло, думала я, в труппе Дягилева для меня начнется новая жизнь. Там все будет таким же великим и вдохновенным, как голос Шаляпина. Там я найду то, что ищу... Шаляпин исполнил свою последнюю арию — смерть Сусанина, и я не стала оставаться на финальное действие, где он уже не поет: хотелось, чтобы последнее воспоминание о театре было связано именно с его голосом. Я вышла на площадь, где выстроились запряженные лошади сани с продрогшими на морозе извозчиками, дожидавшимися выхода публики после спектакля. Одни из саней подкатили ко мне, и извозчик с большой черной бордой, гордо восседавший на облукке, спросил:

— Барышня, сколько времени до конца представления?

— Час с небольшим.

— В таком случае, барышня, позвольте мне отвезти вас куда велите. А потом я успею ко времени воротиться назад. Соглашайтесь, барышня, я возьму с вас недорого.

Брат часто бранил меня за то, что я завожу разговоры с кучерами и водителями. Но на этот раз разговор начал сам кучер. Да к тому же еще на тему, которая была так дорога моему сердцу.

— Барышня, вы ведь были только что в театре? Скажите, это правда, что люди сидят там рядами снизу доверху и все кругом в красном бархате?

Я описала ему Марининский театр, объяснив, что стены в зале белые с позолотой, а кресла обиты бархатом, что только голубым.

— А потолок словно купол, с огромной хрустальной люстрой посредине, — завершила я.

— Значит, как в соборе?

Мой извозчик, утратив свой важный, неприступный вид, бросил поводя положил руки на колени и живо обернулся ко мне.

— Барышня, там на площади, перед театром, господские слуги кажутся, будто сегодня поет сам Шаляпин. А что, у него и в самом деле до того красивый голос, что люди приходят специально его послушать?

— В самом деле, потому что Шаляпин — величайший русский певец.

— Скажите, а за рубль я бы смогу купить билет, чтоб войти в театр и услышать Шаляпина?

— Думаю, что на галерку за полтора рубля купить билет можно.

— Мыслимо ли... Люди отдадут полтора рубля, чтоб его послушать?

Я объяснила, что многие отдадут за это гораздо больше.

— Значит, и впрямь, должно быть, прекрасный голос, коли люди платят такие деньги...

Похуже, бордач-извозчик лишь наполовину поверил услышанному, однако продолжал, словно стараясь сам себя убедить:

— В самом деле... Вот в Исаакиевском тоже был один дыкун... Какой бас — во всем Петербурге, по всем церквям не сыскать второго такого... Но чтоб его услышать, не требовалось платить: иди себе в собор и все...

Помолчав, он добавил:

— До чего же я обожаю пение. Что угодно готов отдать за красивый бас.

— В таком случае вам надо пойти послушать Шаляпина. Ему нет равных...

Вот так, за разговором, мы доехали до моего дома. Я собралась заплакаться, но он отказался взять деньги.

ВОТ и наступил наконец долгожданный день нашего отъезда в Монте-Карло. Зима в Петербурге выдалась очень морозная, и когда мы ехали на вокзал, город был весь в снегу.

В Монте-Карло прибыли три дня спустя. Чтобы с вокзала добраться до гостиницы, нам пришлось идти через

весь город пешком в меховых шубах, огромных капорах и сапожках. Проходим, одетым уже по-летнему и по-парижски элегантно, наш вид, должно быть, казался весьма странным. К счастью, было раннее утро, и людей на улицах попадалось мало.

Оперный сезон в Монте-Карло только что завершился выступлениями Шаляпина в опере Рауля Гюнсбурга «Иван Грозный». И теперь все здесь с нетерпением ждут наших спектаклей... В Петербурге я редко танцевала больше, чем десять раз в сезон. В Монте-Карло же мне предстоит быть занятой во всех балетах и танцевать четыре раза в неделю.

У меня уже есть две большие роли — Бабочка в «Карнавале» и па-детруа в «Павильоне Армиды». Но Сергей Павлович (Дягилев. — Ред.) считает, что создание сольной партии еще не есть достаточное доказательство больших артистических способностей. Он только что велел мне начать работать над танцем одалисок из

«Танцую для моего Гения...»

Бронислава НИЖИНСКАЯ

ОБ АВТОРЕ И О КНИГЕ

У ШАЛЯПИНА было множество поклонниц: обаяние великого исполнителя было под стать его голосу. Подпала под него и Бронислава Нижинская — родная сестра знаменитого танцовщика, сама тоже прекрасная балерина, танцевавшая, как и ее брат, сначала в Марининском театре, а затем в труппе Сергея Дягилева и впоследствии ставшая балетмейстером с мировым именем... Она боготворила Федора Ивановича с детства, когда отец водил ее на оперы с его участием, еще со времен балетного училища, когда бегала слушать его в «Маринку». А потом судьба ненадолго свела их вместе в Монте-Карло. И 20-летняя танцовщица влюбилась в Шаляпина. Причем, как признавалась она сама, это чувство стало вдохновлять все ее творчество.

В начале 60-х годов она начала писать «Воспоминания» и работала над ними до конца жизни (1972 год), как свидетельствует ее дочь Ирина Нижинская, используя главным образом собственные дневники и рабочие блокноты, на основе которых создавала последовательный литературно отточенный рассказ. Есть, однако, в этой огромной книге два с небольшим десятка страниц, которые, по словам автора, «вынуты прямо из личных дневников тех дней и являются лишь непосредственным отражением мгновений, заставлявших по той или иной причине утратить биться мое сердце». И речь в них прежде всего идет об ее отношениях с Шаляпиным. Нижинскую пытались уговорить подогнать шаляпинские страницы под общий стиль книги, убрав личные интонации и подробности. Но та наотрез отказалась. Ирина, завершавшая и выпускавшая «Воспоминания» уже после смерти матери, выполнила ее волю.

Сегодня, когда отмечается 120-летие со дня рождения великого русского артиста, это исполненное любви и трепетного уважения свидетельство кажется особенно ценным.

Елена КАРАСЕВА

Портрет Ф. И. Шаляпина с его дарственной надписью: «Милой, славной девчурочке Броничке Нижинской в знак искренней симпатии» (Монте-Карло, 1911 год).

Фото из книги Б. Нижинской «Воспоминания».

Ф. И. Шаляпин в роли Бориса Годунова. 1916 год.

Фото из книги Ф. Шаляпина «Страницы из моей жизни».

балета «Шехеразада». Ну, а пока что я тут занята только в кордебалете.

Итак, закончилось представление «Шехеразады». Идут последние поклонны, в зале еще слышны аплодисменты. Мы покидаем сцену и в полумраке расходимся по своим гримерным. Из боковой двери, ведущей из зала в кулисы, появляется Сергей Павлович и останавливает меня:

— Броня, Шаляпин был сегодня на спектакле, и я только что с ним разговаривал. Он спрашивал, что это за молодая балерина, которая так хорошо играла в сцене возвращения Шахриара. Я назвал ему твоё имя и объяснил, что ты сестра Нижинского. Ему очень понравилось, как ты изображала ужас при неожиданном возвращении султана в гарем. Вот какое, Броня, тебе выпало счастье: заработать комплимент от Шаляпина!

— Мне очень приятно, Сергей Павлович, — произнесла я чуть слышно, задохнувшись от волнения.

— Я надеялся этой новостью безумно тебя обрадовать, а ты в ответ не находишь ничего, кроме как «мне очень приятно». Да отдаешь ли ты себе отчет, Броня, что о тебе говорит сам Шаляпин? Шаляпин — гигант сцены, гений! А тебе вроде бы безразлично!

Я объясняю ему, что лишилась дара речи как раз от радости, что меня, наборот, потряс такой отзыв артиста, которым я всегда восхищалась больше, чем кем-либо другим.

Из театра я возвращаюсь вместе с Людмилой Шоллар — молодой балериной, также приглашенной Дягилевым на Русские сезоны, — и с двумя товарищами по труппе, Кобелевым и Розаем. Когда мы пересекаем площадь, замечаю на ступенях казино высокую фигуру. Это Шаляпин. Он большими шагами направляется к нам, протягивает Людмиле руку и говорит:

— Кто это с тобой, Людмила? Представь меня, пожалуйста.

— Это Броня, сестра Нижинского.

— Как я рад с вами познакомиться! Мне очень понравилось, как вы танцевали в «Шехеразаде»...

Я смотрю на него, и он мне кажется непохожим на других... Он словно явился из моих снов... Жму Шаляпину руку. В волнении поднимаю глаза к его лицу: его горящий взгляд околдовывает. Я не разбираю слов, которые он произносит. Слышу только звук его голоса, ласкающий меня, будто серенада... Потом слова становятся различимы:

— Куда вы направляетесь? Могу ли я присоединиться к вам и предложить всем поужинать в Кафе де Пари?

Шаляпин нас приглашает!

Вскоре в кафе приходят Дягилев, Банст и Вацлав. Мы ужинаем все вместе... Я не могу оторвать глаз от Шаляпина. Разговор заходит о «Шехеразаде». Полушута Шаляпин говорит, что хотел бы сыграть Шахриара

(в постановке Фокина это не танец, а пантомима).

— Это же для меня великолепная роль.

Мы все согласно киваем. Я сразу представляю себе его в костюме и гриме султана. Одним жестом он выразит все, что рассказано в длинной мимической сцене балета. Сергей Павлович воодушевляется:

— Так в чем же дело, прошу вас? Это получится незабываемый спектакль, и успех будет громадный. Я говорю совершенно серьезно. Это официальное приглашение, Федор Иванович.

— В Париж я к вам не приеду, а вот в Лондон — возможно. Буду там на коронации и сыграю в «Шехеразаде». — Смеясь, Шаляпин оборачивается в мою сторону: — Только вот как Бронюша? Сыграет ли она со мной так же хорошо, как сегодня? Убежит ли от султана с таким же испуганным видом?

— С вами, Федор Иванович, все сыграют эту сцену лучше, чем обычно. Да никто из зрителей не обратит на нас внимания: они будут видеть только вас. И вы вызовете столько страха и паники, сколько вам будет угодно...

— Спасибо, Бронюша... Эта идея мне по душе. Только не подумает ли публика, что Шаляпин утратил голос и вынужден соглашаться на немые роли?

— Нет, — обрывает его Дягилев, — ни в коем случае. Вы будете одновременно, в течение всего нашего сезона, петь на сцене «Кювент-Гарден». — И он предлагает сейчас же обсудить подробности этого проекта.

— Нет, пожалуй, не стоит, — говорит Шаляпин. — Публика жестока, и мы не всегда имеем возможность делать то, что нам хочется.

Сменив тему, мы перешли к происшествию, которое взволновала вся Ривьера: на одной из улиц Монте-Карло на Шаляпина напали

ЮНЕСКО годом Шалыпина

русские революционеры... Их разозлил заголовок в газете: «Друг Горького Шалыпин опускается на колени перед царем».

В России имена Шалыпина и Горького долгое время были неотделимы друг от друга. Революционеры гордились ими и их простым происхождением, объявляя обоим представителям русского народного гения, который расцветает, несмотря на царскую тираннию.

В газете рассказывалось, что произошло на одном из представлений «Бориса Годунова» в Марининском театре. Во время исполнения национального гимна «Боже, царя храни» хор вместе с Шалыпиным вдруг встал на колени перед Государем, который присутствовал на спектакле. Революционерам этот поступок представлялся предательством со стороны Шалыпина, они полагали также, что тем самым он предал и своего друга Максима Горького.

Говоря об этом происшествии, Шалыпин становится серьезным и сердитым.

— Ох, уж эти революционные герои: красуются на Ривьере и утверждают свои революционные идеи, совершая нападение на меня. Они ведь давеча на улице едва меня не убили. Слава Богу, при мне была трость с серебряным набалдашником, и я смог защититься... Будь они в России, набросились бы на кого-нибудь поважнее, чем я. Не нашли ничего лучше, чем наброситься на Шалыпина, да еще где? В каком-то темном углу. И считают, что таким образом делают революцию...

— Вы можете спросить у меня, — продолжает он, — почему это Шалыпин пал на колени? По правде сказать, я даже и не помню. Я русский. Может быть, в тот момент я преклонил колени перед Россией. Неожиданно все вокруг меня на сцене оказались на коленях. Ну, как я мог один остаться стоять словно столб? Не знаю, почему я это сделал, но уж точно не ради профессиональной выгоды! Никто ведь не гонит меня из Марининского театра... Разумеется, сегодня они все утверждают, что я опустился на колени первым, что я специально дожидался этого момента, чтобы преклониться перед царем...

Он умолкает, и я понимаю, как сильно ранит его эта история. Мне в эту минуту кажется, что я была знакома с ним всегда... Вспоминается тот спектакль в Петербурге, когда я стояла за кулисами и слушала, как он пел Ивана Сусанина. Вспоминается и разговор с извозчиком, и я принимаю его пересказывать. Смотрю Шалыпина прямо в глаза и чувствую, как растает во мне нежность к нему.

Когда мы выходим из кафе, Вацлав шепчет мне на ухо:

— Неплохо ты сочинила эту историю про Шалыпина.

— Но, Вацлав, все, что я рассказывала, — чистая правда. Как только ты мог предположить, что я способна выдумать такое на ходу?

— Этого не могло быть, — сухо отвечает он, — приходя, как мне кажется, в ярость...

Мы прощаемся. Вацлав и Дягилев собираются возвратиться к себе в Отель де Пари. Сергей Павлович спрашивает у Шалыпина, идет ли он с ними. Тот отвечает с громким смехом:

— Да нет, надо проводить молодежь до гостиницы. Не могу же я оставить этих двух барышень в обществе этих двух молодых людей!

По пути Шалыпин предлагает нам всем завтра прокатиться с ним на машине в Ниццу. Мы радостно соглашаемся: ведь с тех пор как мы находимся в Монте-Карло, это будет у нас как раз первый свободный от репетиций день.

КАКОЕ ужасное невезение! Все сегодня отдыхают, кроме меня. Я единственная, кого вызвали на репетицию. Прощай поездка с Шалыпиным! А по года стоит такая дивная!

Меня вызвали, потому что Фокин хочет поставить мне Ваханку для своего нового балета «Нарцисс». Ее должна была танцевать Софья Федорова, но она в Монте-Карло не приехала, и сегодняшний вызов означает, что одну из главных ролей в фокинском балете поручают теперь не кому-нибудь, а мне. Я должна была бы ликовать, но не испытываю никакого удовольствия и по дороге в театр все пытаюсь найти какие-нибудь причины, чтобы

сегодня не работать. Пробую заговорить об этом с Дягилевым и Фокиным, но они даже и слышать не желают об отмене репетиции.

В конце концов, переодевшись, подвигаюсь на сцену. Смотрю на Фокина и силюсь повторять па, которые он мне показывает. И вдруг вижу, как в зал входят Шалыпин и мои друзья. О-о, какие же они молодцы! И как это я могла подумать, что они уедут одни, лишив меня такой прогулки? Вижу, как Шалыпин улыбается мне и садится в кресло. Его присутствие вдохновляет, и я схватываю с первого раза все нюансы каждого движения. Сразу вдруг появляется все, чего не доставало моему танцу... Впервые я чувствую в себе свободу. И это пробуждает новые ритмы, формы и линии. Я делаю не то, чего хочет от меня Фокин, но знаю, что это хорошо и точно и что я создаю настоящую Ваханку. В результате Фокин все равно остается доволен. Он быстро завершает репетицию и разрешает мне уйти.

Меня переполняет счастье. Оттого ли, что хорошо прошла репетиция и было приятно создавать новую роль? Оттого ли, что в серых глазах Шалыпина светится улыбка? Впрочем, какая разница...

МЫ СТАЛИ проводить много времени вместе. Когда идут балетные спектакли, он всегда стоит за кулисами, а когда они заканчиваются, мы часто идем немного посидеть в Кафе де Пари. Днем, в промежутке между репетициями, вместе бываем на пляже.

Сегодня вечером, когда шел «Карнавал», Шалыпин сидел в особой ложе, которая примыкает к кулисам. Мне было слышно, как он меня подбадривает, восхищаясь по движением рук, то каким-то вращением. Я улавливала все, что он говорил: «Как же хорошо танцуют эти ножки... такие маленькие ножки...»

Эти слова восхищения, произнесенные великим исполнителем, который к тому же любит и понимает балет, очень мне помогали. В чем бы я ни танцевала — в «Карнавале», в «Сильфиде» или же в «Павильоне Армиды», — благодаря им я начинала верить в себя. Каждое из этих слов питало мои творческие силы.

ВО ВРЕМЯ наших прогулок Шалыпин заводит речь о том, что некоторые люди из всех сил стараются создать ему дурную репутацию. Он говорит, что его обвиняют в пьянстве, а между тем ему случалось напиваться самое большее пять раз в жизни. Его упрекают в том, что он устраивает скандалы, однако он это отрицает. Его поведение, считает он, диктуется профессиональной ответственностью, требовательностью к партнерам.

Ни об одном из артистов не ходило столько сплетен, сколько о Шалыпине. С ростом известности росла его репутация тяжелого, неуправляемого человека. Достаточно ему было сделать замечание во время репетиции, как его тотчас называли невыносимым. А пресса, разумеется, только и дождалась подобных стычек, чтобы потом писать о них, раздувая пикантные подробности.

Наша мама находила, что когда человек достигает подобной степени известности, ему уже не может быть никаких оправданий. Сколько раз в детстве мы слышали от нее: «Артистам ничто не прощается». Если это великий, серьезный артист, он должен быть достоин своего дарования и заслуживать звания артиста. Раз уж на него смотрят как на исключительно человека, он обязан быть образцом... Артист должен создавать вокруг себя особый мир. Он не должен быть как все остальные и уж тем более хуже остальных».

У Шалыпина, по моему мнению, имелись еще и другие недостатки. Ей рассказывали, что видела, как жена помогала Шалыпину надевать пальто. Это приводило маму в негодование.

— Ты можешь себе представить подобную невоспитанность? — восклицала она. — Чтобы такой здоровый, сильный мужчина, как он, позволял женщине, своей жене, надевать на себя пальто!

Знаменитые артисты, подобные Шалыпину, всегда вызывают огромное любопытство у публики, которой непременно хочется все знать как об их работе, так и о личной жизни. И газеты создают определенный образ, ко-

торый потом уже никто не хочет разрушать. Конечно, многие артисты извлекают из этого для себя выгоду и таким образом увеличивают свое воздействие на публику и свою популярность.

Дягилев к подобным вещам относится очень неодобрительно.

— Шалыпин очень ловок, — сказал он как-то раз. — В прессе о нем пишут больше, чем о ком бы то ни было, и это ему не стоит ни копейки. Все эти его скандалы наверняка разыграны: он прекрасно знает, чего хочет его публика. Одни артисты могут всю жизнь работать и создавать потрясающие роли, и никто не обратит на них внимания. А другим достаточно дать кому-то оплеуху на улице — и за ними народ уже ходит толпой, и на другой день их имя на первых страницах газет... Шалыпину все это хорошо известно. Он гениален во всех отношениях!

Я находила, что Сергей Павлович судит Шалыпина слишком строго. В конце концов это великий артист. О ком же еще должны писать газеты, если не о выдающихся личностях?

У НАС в семье никогда не было принято много говорить о своих чувствах и уж тем более допытываться об этом.

Мы всегда умели понимать друг друга без слов. Поэтому я была очень удивлена приходом Вацлава ко мне в гостиницу. Он выглядел очень мрачным. Спросил меня без обиняков:

— Броня, что с тобой творится? Тебе дали великолепную роль. Сергей Павлович начинает верить в твой талант... Но я не вижу, чтобы ты работала над Ваханкой. Ты работаешь, по сути дела, гораздо меньше, чем обычно, а спектакль уже через два дня!

Я ищу для себя оправдания, но в глубине души знаю, что Вацлав прав.

— Броня, я пришел, чтобы поговорить с тобой еще об одном. Я знаю, что ты часто видишься с Шалыпиным. Что все это значит? Ты молоденькая, Броня, и я понимаю, что такой великий человек, как он, мог тебя покорить. Но он не для тебя. Скажи, это серьезно?

Удивляясь собственной откровенности, отвечаю:

— Ваца, мне кажется, я его люблю.

— Это невозможно. Поэтому я и пришел с тобой поговорить. Ты не должна видеться с Шалыпиным.

— Поверь мне, Ваца, он вовсе не такой, каким его изображают злые языки. Это чудесный человек...

Вацлав взрывается:

— Я запрещаю тебе встречаться с Шалыпиным! Ты говоришь глупости! Ты не будешь больше с ним встречаться. Вас слишком часто видят вместе!

— Что плохого в том, что меня видят с Шалыпиным? Мы всегда ходим в людные места, я никогда не остаюсь с ним наедине.

— Раз ты не понимаешь, тогда Сергей Павлович сам запретит тебе видеться с Шалыпиным... Ты не можешь не знать, какая у него репутация: сегодня одна женщина, завтра другая. Все женщины от него без ума...

ВЕЧЕРОМ после спектакля Людмила, Федор и я поднимаемся по склону вверх, к нашей гостинице. У Федора расстроенный вид. Что-то его печалит, и я решаю, что он в очередной раз стал жертвой какого-то недоразумения. Всю дорогу он сокрушается по поводу того, что люди видят в нем только плохое.

— Но я не такой плохой, как обо мне говорят, — добавляет он удрученно. — Как вы считаете, Броня? Скажите!

— Вы самый хороший человек на свете!

— Спасибо. — Помолчав, он добавляет: — Слишком надолго я задержался в Монте-Карло. Пора ехать в Италию.

Сердце у меня сжимается:

— Но вы уедете не сразу?

— Нет, еще немного побуду, надо уладить кое-какие дела.

ПРЕМЬЕРА «Нарцисса» проходит сразу же после Пасхи. В начале спектакля я замечаю в зале Шалыпина, и это наполняет меня безмерной радостью. Танцуя свою Ваханку, я вдруг

вижу его за кулисами. Он стоит близко к сцене и всякий раз, когда я приближаюсь, шепчет мне ласково:

— Прекрасно, прекрасно, дорогая моя Бронюша. Я очень горжусь вами, моя вакханочка... я так люблю вас...

Его голос — это голос моего Гения. Этот шепот вдохновляет меня, как и сама музыка: я танцую для моего Гения...

Закончив танец, я бегу к себе в гримерную. Все остальные артисты остаются на сцене, а у меня есть совсем немножко времени, чтобы подправить грим и парик. Потом я буду танцевать финал с Верой Фокиной.

И вдруг — стучат. Дверь приоткрывается, и в комнату крадучись входит Шалыпин. Он шепчет:

— Бронюша, я на секундочку. Мне надо было вас повидать. Я шел за вами следом от самой сцены. Не беспокойтесь, меня никто не видел. Я должен вас поцеловать... родненькая моя... чудная моя вакханочка!

От счастья мое сердце рвется на части. И вот уже я в объятиях моего любимого Гения. Моя голова поконтилась у него на груди, и словно доверчивый ребенок я принимаю его поцелуй.

Федор так восхитительно смотрит мне в глаза. Но вдруг спохватывается:

— Прощайте, дорогая Бронюша, мне надо исчезнуть... Никто не должен видеть нас... потому что могут подумать худое...

И мой любимый Гений удалится так же бесшумно, как и вошел.

ВСКОРЕ после начала наших лондонских гастролей, 15 июля 1912 года, я сочеталась браком с Александром Владимировичем Чочетовским (танцовщик из труппы Дягилева. — Ред.). Венчание состоялось в православной церкви посольства России. К алтарю меня вел Сергей Павлович, исполнявший роль посаженного отца. Вацлав был свидетелем и во время церемонии держал венец у меня над головой. В качестве свадебного подарка брат дал мне тысячу рублей.

В Лондоне мы должны были выступать до конца июля, после чего предполагалось, что труппа сможет немного передохнуть перед началом осеннего сезона. Но неожиданно стало известно, что наши каникулы откладываются на три недели. Нам предстояло дать пять спектаклей в Довиле по случаю открытия там театра при казино. Довиль готовился стать новым курортом, а его казино принадлежало тому же владельцу, что и казино в Монте-Карло. Владелец хотел привлечь туда сливки европейского общества. В программе открытия должны были чередоваться русские оперные спектакли с участием Шалыпина и Смирнова и балеты нашей труппы. Я очень надеялась, что смогу избежать встречи с Шалыпиным. Я все еще не была готова к тому, чтобы увидеться с ним просто как со старым знакомым.

По прошествии нескольких дней после нашего приезда в Довиль мы с Сашей совершали прогулку, когда я заметила вдалеке Шалыпина и его жену Марию Валентиновну. Они двигались нам навстречу. Я резко повернула назад, потянув Сашу за собой, и поспешно скрылась в одной из боковых улиц. Я решила не встречаться с Шалыпиным и заглушать в себе любую мысль, которая возвращала бы меня снова к нему.

...УЖАСНАЯ тоска гнетет меня. Как это могло произойти? В антракте, когда я с несколькими другими танцовщицами переодевалась в крохотной гримерной, в дверь постучали.

— Броня, тут пришли к тебе, — говорит моя товарка.

Проскальзывая в узкий коридор. И оказываюсь перед Шалыпиным.

— Я узнал, Бронюша, что вы вышли замуж. Вы счастливы?

Как могу, собираюсь с силами, чтобы казаться спокойной, и заставляю себя ответить:

— Да, очень счастлива.

Мы молчим. Потом он спрашивает:

— Броня, ты меня любишь?

— Да, я буду любить тебя всегда!

Тут Федор вдруг обнимает меня и целует. Сердце мое замирает.

Он убегает, не оглядываясь. Убегает... навсегда.